

Шаронова Е.А. ©

Доцент, доктор филол. наук, кафедра русской и зарубежной литературы,
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

КОНЦЕПЦИЯ ДОМА В ПОЭЗИИ А. М. ШАРОНОВА

Аннотация

В статье рассматривается концепция дома как воплощения мира, земли, отечества в поэзии А.М. Шаронова; выявляется художественно-философская специфика образа дома в финно-угорско-русском контексте.

Ключевые слова: книга стихов, поэзия, финно-угорский мир, этнический компонент.

Keywords: the book of poems, poetry, Finno-Ugric world, ethnic component.

В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе произведений, включенных А.М. Шароновым в книгу стихов «На земле Инешкипаза» (Инешкипаз – верховный бог народа эрзя). Книгу стихов с точки зрения структурной организации можно определить как лирический цикл, подчиненный объединяющей идее, четко проводимой автором [см. : 2, 27–30]. Тексты связываются не в хронологической последовательности, но образуют смысловое единство, цель которого в постепенном явлении образа поэта. И читателю открывается личность поэта-мыслителя, владеющего научным знанием и фольклорными представлениями о сущем. Его интеллектуальное и духовное существование безгранично, что позволяет ему обращаться к Аполлону, Гомеру, Лённроту, Никону, Аввакуму, Пушкину; воссоздавать образы Христа, Вяйнемейнена, Тюштяна, Пургаса, Ильи Муромца, Святогора; пространство «дома» которого ограничивается лишь границами Вселенной, а понятие родной земли охватывает русский и финно-угорский миры. Каждое стихотворение А.М. Шаронова осмысливает пережитое и продолжает его жизнь, проявляет ее в себе.

Образ дома в творчестве каждого поэта, и здесь А.М.Шаронов – не исключение, наполняется индивидуальным содержанием, в разные годы жизни зависящим от психологического состояния стихотворца, от перипетий его творческой и человеческой судьбы. В стихотворении «Издать Шарону эпос помоги...» образ дома, расширяясь вначале в пределах Руси, Эрзянии и финно-угорского мира вообще: «Блуждаю я по городам и весям. // В колдобинах и рытвинах мой путь. // Вчера был в Мере, а сегодня – в Веси, // А завтра забреду в Литву и Чудь. // И всюду Русь – страна моя родная. // И всюду Русь – в сто лиц и языков. // И всюду Русь – огромная, большая. // И всюду Русь – в одиннадцать веков. // Иду Ижорой, Саами и Коми, // Биармией, Карелой, Марий Эл, // Хунгарией, Эстляндией, Суоми, // Где старый Вяйнемейнен песни пел...» [8, 5], сужается затем до границ современной Мордовии в обращении поэта к бывшему руководителю республики: «И ты, друг мой, теньгушевец Меркушкин, // Издать Шарону эпос помоги. // Иначе Аполлон, Гомер и Пушкин // Тебе вовек не подадут руки» [8, 6].

Диалогичный характер, присущий этому стихотворению, поскольку оно адресовано и конкретному человеку, рождает ряд противостояний – вдохновленного поэтом безграничного русско-финского мира – миру «провинциальному», поэтического дара – казенному мышлению, бытийного – бытовому. Факт обращения поэта к представителю власти отражает популярную в русской литературе ситуацию противостояния монарха и философа, с иронией и мужеством ведущего диалог [6]. Свой долг поэт видит в написании книги, благодаря которой его народ восстанет из небытия. Примечательно, что необходимость создания эпоса «Масторава» поэту внушает Э. Лённрот, автор карело-финской «Калевалы»: «... «Из песен «Мастораву» сотвори, // Чтобы твоя Эрзяния родная // Могла на равных с миром говорить». // И я, как он, молясь Инешкипазу, // По городам и весям зашагал. // И двадцать лет, не сев на пень ни разу, // Народ мой в его песнях постигал. // И вот постиг. И создал «Мастораву»...» [8, 5].

Мотив финно-угорско-русского дома развивается в стихотворении «Финно-угрия»: «О, Финно-угрия! Сто стран и сто имен: // Хунгария, Эстляндия, Суоми, // Мокшания, загадочная Коми // И Русь, где я «мордовцем» наречен... // Соцветье многоликое племен // От Балтии до берегов Аляски // Живет в пространствах, где гуляют сказки, // Перемешав течение времен...» [8, 6].

Впечатляет данная здесь картина единства финно-угров, расположившихся на огромных географических пространствах, сохранивших в своей памяти мифы, предания, сказки, в которых запечатлена их древняя история, позволившая создать «Калевалу», «Калевипоэг», «Мастораву», «Югорно» [7]. Но величие прошлого сменяется в стихотворении уродством настоящего, образ поэтического богатыря-финно-угра – образом Ивана, не помнящего родства, избывшего в своем сознании идеальные представления о минувшем: «...И в Муроме, и в Мере, и в Мещёре – // Они суть с Эрзею один язык – // Объяв тысячелетия, возник // Лик «Масторавы», древней Ине Моро. // Но глас ее не слушает мордва. // Со злобою в меня швыряет камни. // В крови, с подтеками и синяками, // Висит моя над бездной голова. // О, жалкий в самоедстве, мой народ! // Ты в господине и в рабе ничтожен. // Твой меч того безжалостно сечет, // В ком в честь твою Чам-Паса дар заложен...» [8, 6]. Но звучание имен древних эрзянских богов (Чам-Пас – творец всего видимого и невидимого мира, Масторава – богиня эрзянской земли [10]) оставляет надежду на сохранение «Дома».

Антитеза рождает ломаный образ дома, в котором закодирован так называемый «Антидом». Его функциональные границы во времени и в пространстве абсолютно совпадают с функциональными границами «Дома». Смысловая пара «Дом»–«Антидом» в данном случае не может быть поставлена в один ряд с категориями «свое» – «чужое», «хорошее» – «плохое», «белое» – «черное». Здесь следует говорить об амбивалентности образа, основанного на двойственности, противоречивости чувств, переживаемых поэтом. Народ, чей интеллект и физическая красота через столетия воплотились в стихотворце, земля, полная плодотворных сил, родившая множество талантов, зафиксированных ее генетической памятью и повлиявших на формирование ее генетического кода, в сознании поэта сталкиваются с происходящей сегодня деградацией былой этнической и нравственной их мощи. Заметим, что проблема амбивалентности образа дома в современной российской литературе очень актуальна и проецируется на литературоведение [3; 4; 1; 5].

В стихотворении «Откуда ты и кто ты, Русь моя?» образ «Дома»–«Антидома» обретает новые смыслы: «...Заблудшая, невинная, святая, // Беспутная и злая, как змея, // Россия старая и молодая // Разгадывает тайну бытия. // У ног ее бесстыдных и прекрасных // Валяется поверженный Перун, // Что был вчера еще среди солнц и лун // И трепетал в ее объятьях страстных. // Увы! Теперь ее пастух Христос, // Что ног ее и дланей не целует // И никогда не дарит красных роз, // Над ней, как над черницей, аллилует. // А у нее в крови гудит огонь. // А у нее в сосцах сок богатырский. // А у нее меж ног гарцует конь. // А у нее в душе разбой сибирский // ...Увы! Увы! Ни в чем ответа нет. // Но ты живешь, и я живу с тобою. // И тысяча твоих великих лет // Обвенчана со славой и любовью» [8, 7].

Посредством оксюморона, осмысливаемый конфликт «Дома» и «Антидома», раскрывающийся в водовороте разнообразных чувств, достигнув кульминации, разрешается вдруг для читателя пониманием того, что объединяющим их началом является любовь – любовь во что бы то ни стало. И поэт, подобно Богу, превращающему в благо зло, творимое Дьяволом, и таким образом спасающему созданный им Мир, настойчиво стремится изжить «дьявольщину» в своем «Доме». Этот мотив продолжает звучать и в других стихотворениях: «Канул век золотой...», «Бунт», «Завтра будет такая же синь...», «Зов предков», «Предчувствие Аттилы», «Холм».

Образ «Дома»–«Антидома», появившийся в творчестве А.М.Шаронова на рубеже XX – XXI веков, не затмевает, однако, традиционный образ родного дома, с которым связаны воспоминания о детстве, юности, родителях, деревне, которая, казалось, не имеет границ и равняется целой Вселенной. Мотив родного дома звучит в стихотворениях «На родине», «Ах, узнал я в себе невзначай...», «Возвращение», «О, я люблю Эрзянию мою...», «Теньгушетия», «Письмо, что крик кукушки одинокой...» и в др.

Заметим, что понятие родного дома для поэта имеет абсолютно реальные конкретные черты и связано с селом Шокшей: «Я не слышу на родине песен. // Но в душе пробужденной светло. // В ней поют все мои сорок весен. // Здравствуй, родина, Шокша-село!» («На родине») [8, 22]; «Ах, Теньгушетия моя, Теньгушетия! // Ах, милый край, родимые места! // Через все пространства и столетия // Дух мятежный мой летел сюда. // Отлетят печали в дали дальние, // Зацветут сады среди белых выюг, // Потекут по Мокше воды талые, // Сядет журавлиный клин на луг, // Если я вернусь с тоской полночною, // Перестану жить с тобою врозь. // Ты, знать, мой Вастамбуль, что воочию // Мне увидеть в жизни привелось...» («Теньгушетия») [8, 36 – 37].

Кажется парадоксальным тот факт, что родная деревня, вмещающая в себя весь мир в сознании ребенка, представляется столь же огромной уже взрослому человеку. Шокша для поэта – источник вдохновения. В стихотворении «Зов предков» А.М. Шаронов пишет: «Я родился в эрзянской деревне, // Вырос я среди буртасских полей...» [8, 10]. Здесь границы «Дома» максимально сужаются до конкретного места рождения поэта и сразу же расширяются до исторических пределов. «Эрзянская деревня» превращается в центр так называемой «Эрзянской цивилизации», сотворенной верховным богом эрзи Инешкипазом, развитой царем Тюштяном [9], защищенной князем Пургасом и переданной ими в наследство «семилетнему иноку», «услышавшему в себе гул веков», поэтому оказавшемуся достойным отправиться на поиски «героев отважных», которые возродят былую славу отечества. Избранник возвращается в Шокшу ни с чем и с горечью обращается к духу предков: «Нет больше эрзян светлооких, // Масторава пропала», – сказал. // Подо мной содрогнулась земля, // Из могил древних вырвался голос: // «Зарастут вновь хлебами поля, // Если есть на них хоть один колос» [8, 10]. Образ родной деревни заключает в себе феномен родительского дома как постоянного физического пристанища человека и феномен духовного дома как хранилища его духовной целостности. Деревня Шокша А.М. Шароновым мифологизируется так же, как Константиново С.А. Есениным. Шокша для поэта – географический и культурный центр, откуда пути ведут на Рязанщину, Нижегородчину, Муромщину, Эрзянию, Московию.

Понятие «Дом» у А.М. Шаронова кодирует в себе смыслы – «Дом», «Антидом», «Родной дом». Антиподом «Дома» может выступать не только «Антидом», но и «Бездомье». Однако о его явлении в поэзии А.М. Шаронова говорить нельзя, поскольку он «не бездомен». Здесь сталкиваются поэтический образ дома и культурологический. Последний толкуется через единство бытового и бытийного начал. Поэт признается, что обрел духовный «Дом», еще будучи ребенком, и начал его «обустраивать» посредством изучения истории народа, понимания мудрости, заложенной в его фольклоре, творения художественных произведений, в которых запечатлевал образ «Дома». Затем возникла потребность в создании «Дома»-семьи, «Дома»-очага, что исключает «Бездомье». Таким образом, концепция дома как мира, земли, отечества становится идейным фокусом поэзии А.М. Шаронова.

Литература

1. Глухова Н.Н., Кудрявцева Р.А. Этнические ценности Мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 4–2 (30). – С. 44–47.
2. Гудкова С.П. Крупные жанровые формы в русской поэзии второй половины 1980-2000-х годов // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саранск, 2011. – 41 с.
3. Гудкова С.П., Дубровская С.А., Шаронова Е.А. Система персонажей романа Захара Прилепина «Патологии» сквозь призму карнавализации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – С. 191–195.
4. Косинцева Е.В. Концепт Дом в хантыйской поэзии // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85). – Ч.1. – С. 65 – 75.
5. Мышкина А.Ф. Истоки художественно-философского мышления в национальных литературах Поволжья и Приуралья // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309. – № 3. – С. 226–230.

6. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М.М. Бахтина 1930 – 1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-1 (34). – С. 163 – 167.
7. Федосеева Е.А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Саранск, 2007. – 444 с.
8. Шаронов А.М. На земле Инешкипаза. – Саранск, 2006. – 408 с.
9. Шаронов А.М., Шаронова Е.А. Трансформация образа героя в эрзянской и мокшанской героической поэзии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2010. – Т. 14. – № 2. – С. 149–164.
10. Шаронов А.М. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. – Саранск, 2001. – 207 с.